

ТЕКСТОЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ ИДИОСТИЛИЯ И АНАЛИЗА КОММУНИКАТИВНО ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Е. А. Болтовская (Могилев)

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПЬЕСЕ И. В. ГОГОЛЯ «ЖЕНИТЬБА»

Пьеса «Женитьба» интересна тем, что, в отличие от других драматических произведений И. В. Гоголя, полностью посвящена частной сфере межличностных отношений, в которой человек обычно проявляет сокровенные черты своего душевного склада. Сюжет пьесы не отличается динамичностью действия и возводится вокруг ситуации сватовства: у богатой невесты-купчихи одновременно несколько женихов, один из которых, став главным претендентом на ее руку и сердце, из-за страха перед предстоящими событиями выпрыгивает из окна. По словам Б. Эйхенбаума, «композиция у Гоголя не определяется сюжетом – сюжет у него всегда бедный, скорее – нет никакого сюжета, а взято только какое-нибудь одно комическое (а иногда даже само по себе вовсе не комическое) положение, служащее как бы только толчком или поводом для разработки комических приемов» [4, с. 308].

Исследуем основные способы выражения смешного в пьесе «Женитьба». Темп развития событий в комедии замедлен, действие основано не на нарастании внешних изменений или усложнении сюжетных перипетий, а на раскрытии характеров, которые строятся на «комизме сходства» и «комизме контраста» (по В. Я. Проппу). Сходство соперничающих женихов проявляется в том, что они «объединены одинаковостью своих устремлений» [3, с. 50] – намерением жениться. Похожи персонажи и своим отношением к женитьбе: она рассматривается ими как приобретение товара [2, с. 405], а не проявление искренних чувств («Агафья Тихоновна. Да ведь где же достать хорошего дворянина?» [1, с. 108]; «Яичница. Так как же, сударыня, решите, – я человек должностной, времени у

меня немного: да или нет?» [1, с. 129]). Действие пьесы держится на противоположности двух характеров: вялого Подколесина и энергичного Кочкарева. В фамилиях *Подколесин* и *Кочкарев* можно усмотреть семантическое противопоставление: кочка – ‘бугорок на низменном или болотистом месте, поросший травой или мхом’ [МАС, т. II, с. 117], т. е. некоторое возвышение над землей (ср.: *под-* ‘расположение ниже чего-нибудь’ и *над-* ‘нахождение выше чего-нибудь’). Фамилии персонажей вполне соответствуют их характеристикам: безвольный, нерешительный, сомневающийся, опасаящийся всего непривычного Подколесин и бойкий, напористый выскочка Кочкарев, предприимчивый самозванец в роли сватающего.

В пьесе наблюдается «комизм имен»: *Яичница* (уподобление названию блюда), *Балтазар Балтазарович Жевакин* (объединение иностранного имени и незамысловатой фамилии), *Анучкин* (в первой редакции *Онучкин*, что было признано цензурой неприличным, так как фамилия «говорила» о роде занятий персонажа – офицер). Самой необычной действующим лицам кажется фамилия *Яичница*. Невеста, услышав ее от свахи, эмоционально заявляет: «*Бог знает что такое!*» [1, с. 110]. Через неразличение омонимов (имени собственного и нарицательного) реализуется прием комического недоразумения: «*Жевакин. <...> с кем-с имею счастье изъясняться? Иван Павлович. В должности экзекутора, Иван Павлович Яичница. Жевакин (недослышав). Да, я тоже перекусил!*» [1, с. 116]. Чтобы выйти из неловкой ситуации, Жевакин начинает вспоминать другие известные ему «*престранные*» фамилии: *Помойкин, Перепреев, мичман Дырка*.

Выразительность образов комедии достигается автором прежде всего при помощи точной речевой характеристики каждого персонажа. Используя разнообразные пласты разговорной речи, элементы профессиональной лексики (чиновничий, военный, мещанский, купеческий жаргоны), выражения официально-канцелярского слога, Н. В. Гоголь подчеркивает пустословие, косноязычие персонажей, отражающие бедность их мыслей и представлений. Так, оставшись наедине, Подколесин и Агафья Тихоновна не знают, о чем поговорить друг с другом (6 раз автор подчеркивает это ремарками «молчат», «молчание»). Речь их вполне связна, но бессодержательна, тематика ограничена высказываниями жениха вроде *На даче очень приятно летом кататься в лодке: Какое-то лето будет – неиз-*

вестно. Вот скоро будет екатерингофское гулянье, причем дни, оставшиеся до этого праздника, Подколесин «считает по пальцам» [1, с. 139]. Комизм усиливается тем, что невеста остается очень довольна состоявшейся беседой, восклицая впоследствии: *Как приятно с ним говорить! И ведь, главное, то хорошо, что совсем не пустословит* [1, с. 140]. Непоследовательная речь выдает истинные намерения персонажей. Агафья Тихоновна, у которой давно подготовлено подвенечное платье, сокрушается: *Не удалось и повеселиться мне девическим состоянием, и двадцати семи лет не пробыла в девках...* (Переменяя голос.) *Да что ж Иван Кузьмич так долго мешкается?* [1, с. 144].

В сцене первой встречи «женихов» у Агафьи Тихоновны все они не сообщают истинной цели визита, а лгут, объясняя «случайность» своего появления в доме: Яичница якобы *насчет поставки лесу и дров* [1, с. 117], Анушкин *зашел с прогулки* [1, с. 113] *по-соседству-с* [1, с. 118], Жевакин оказался здесь, потому что *«погода показалась хорошею, по дороге везде травка...»* [1, с. 118]. Однако главный обманщик комедии – Кочкарев. Прием «одурачивания» [3, с. 95] заключается в том, что Кочкарев врет женихам об Агафье Тихоновне (*за ней ничего нет: дом не только заложен, да за два года еще проценты не выплачены* [1, с. 131]; *французский учитель просто бил ее палкой* [там же]), а Агафье Тихоновне – о женихах (*драчуны, самый буйный народ* [1, с. 127], Жевакин – *набитый дурак, пьяница, отъявленный мерзавец* [1, с. 135–136]) и подобным образом выживает соперников Подколесина, не оставляя возможности выбора для невесты. Этот лжец остается в глазах участников действия неразоблаченным, но драматург изобличает его перед зрителями.

Описание в одном ряду совершенно несовместимых, разных предметов, понятий и явлений представляет собой одно из средств создания приема неожиданности: Кочкарев. *Да то-то я помню, что-то было: или вышла замуж, или переломила ногу»* [1, с. 119]. В одном контексте соединяются синтаксически однородные слова, весьма далекие по смыслу. Подколесин. *Теперь предо мною открылся совершенно новый мир, теперь я вот вижу, что все это движется, живет, чувствует, эдак как-то испаряется, как-то эдак, не знаешь даже сам, что делается»* [1, с. 146]. Комический эффект возникает от восприятия нисходящей градации: в ряд глаго-

лов, обычных для философских размышлений, внезапно попадает лексема *испаряется*, которая в ретроспективном плане (после ознакомления с неожиданной концовкой пьесы) может пониматься читателем не только в прямом, но и в переносном значении ('исчезнуть, пропасть').

1. Гоголь, Н. В. *Женитьба* / Н. В. Гоголь // Собр. соч.: в 7 т. / под общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. – М., 1977. – Т. 4: *Драматические произведения*. – С. 93–150.

2. Манн, Ю. В. *Поэтика Гоголя* / Ю. В. Манн. – 2-е изд. – М., 1988.

3. Пропп, В. Я. *Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне)* / В. Я. Пропп // *Собрание трудов В. Я. Проппа* / науч. ред., комментарии Ю. С. Рассказова. – М., 1999.

4. Эйхенбаум, Б. *Как сделана «Шинель» Гоголя* / Б. Эйхенбаум // *О прозе: сб. ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского*. – Л., 1969. – С. 306–326.